

Ястребинная хватка

Катерина Достоевская

18+

Катерина Достоевская

Ястребиная хватка

<https://litres.ru/70442566>

SelfPub; 2026

Аннотация

Элен повезло: прекрасно образованная, жена талантливого ученого, красивая женщина с безупречным стилем. Только она не считает себя живой. Настоящие чувства пробуждаются в ней только при скачке адреналина или на грани смертельной опасности. Да и что значит ее жизнь, когда весь мир снова охватила война?

В далёком прошлом, чудом избежав смерти, маленькая девочка пообещала брату никогда не бояться. Оказавшись в когтях беспощадного ястреба, хватит ли ей духу сдержать слово?

--

Данная работа не является пропагандой нацизма, национализма, фашизма и/или их оправданием. Не является оправданием физического, морального и других форм насилия и/или их романтизацией. Все персонажи и события являются вымыслом в контексте альтернативной истории, не относятся к реальности и не отражают позицию автора.

Содержание

Память	4
I. Проклятые луной	7
II. Светлое будущее	25
III. Конец света	44
IV. Овечья шкура	62
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Катерина Достоевская

Ястребиная хватка

Память

Ястреб, разрывающий зайца, может быть истолкован и как символ порочного разума грешника, и как победы над сладострастием, принимая негативное толкование зайца, как олицетворение похоти и символа телесных искушений и плодovitости.

Элен сидела во тьме. Щелчок заставил вздрогнуть. На столе включилась лампа, освещая немногочисленные предметы: несколько смятых бумаг, портсигар с гравировкой, пистолет на стопке папок, набитых документами. Тот же пистолет, из которого Элен стреляла всего несколько часов назад.

— И как бы мы прожили без табака? — сказал он по-немецки. Не сумев повернуться к нему, Элен только теперь осознала, что обездвижена, привязана к стулу.

Щелчок зажигалки. Протяжная, шумная затяжка.

— Великолепное изобретение человечества, — продолжал он на выдохе, блаженная улыбка звучала в его голосе. — Вы согласны, фрау Бенуа?

От аромата желанных сигарет пересохло во рту — лишь

одна из ее многочисленных слабостей, — но Элен твердо решила молчать. Шаги позади. Он взялся за спинку стула, кожаные перчатки скрипели, сжимая деревянную перекладину.

— А если, — она вся сжалась, услышав его голос над самым ухом, — я обращусь к вам: «Дита»? Ведь так тебя зовут на самом деле, не Элен Бенуа, а Дита Янковская, она же «Янка», она же «Мышь».

Как он узнал?

Страх бил ее изнутри, бросая то в жар, то в холод, голова и все тело гудели от недавнего столкновения. Ей обещали, что все пройдет хорошо, так что же пошло не так? Что произошло, кто рассказал ему?!

Смакуя ее напряжение, он вновь предался раздумьям.

— «Мышь», что за нелепая кличка? Кто выбрал ее? Не может быть, чтобы ты сама, о нет. Тебе больше подошла бы какая-нибудь птичка: соловей, ласточка, колибри, наконец!

Ладонь в перчатке легла ей на плечо.

— Ты расскажешь мне все. Все, с ранних пор младенчества и до этой самой минуты. И особенное внимание удели старику, который дал тебе это глупое прозвище. Ведь это он — тот, кто подослал тебя ко мне? Но я не зол на тебя, нет... Приступай, фрау Дита. Я не смогу уснуть, пока не узнаю каждую, даже самую мелкую подробность твоей жизни...

Затянувшись, он провел по ее волосам. Вцепился в светлые локоны, запрокинул ее голову и, склонившись, пустил

дым в плотно сомкнутые алые губы.

Он сносил ее ненавистный взгляд с издевательским равнодушием. С хищническим интересом всматривался в ее красивое лицо, очерченное скулами, с ровным, чуть вздернутым носиком и серыми глазами, оттененными длинными ресницами. Элен молчала.

— Что ж, ночь обещает быть длинной. Я заставлю тебя говорить. Даже мышь — хоть и скромная, но все же достойная добыча для ястреба.

Улыбнувшись, Людвиг затушил сигарету о стол.

I. Проклятые луной

Щелк, свист, взрыв.

Снаряды накрыли округу смертоносным дождем, а бежать выходило слишком медленно. Девочка совсем запыхалась, и ее, не сбавляя хода, подхватил на руки старший брат.

Щелк, свист, взрыв. От следующего залпа дом, к которому они приближались, в миг охватил огонь. Юноша резко свернул и едва удержал равновесие, чуть не упав со своей ношей в лужу из грязи и крови.

Заметив, что девочка вся обмякла, он затряс ее и закричал. Его лицо было страшным от испуга, брови и кожа на лбу опалены, слезы ручьями лились из широко распахнутых глаз.

Она не слышала его. Уши будто закупорило ватой. Все вокруг дрожало, рушилось, пылало, но она не слышала ни звука.

Отвратительный, удушливый дым.

Поезд покачивался, убаюкивая размеренным стуком колес. Желтые, зеленые, сменяющие друг друга поля оккупированной Франции отражались пятнами на металлических

перекладинах, удерживающих багаж над сидениями. Хилое солнце поздней осени роняло блики на глянцевые двери купе, на вставки из замутненного стекла.

Эдмунд держал жену за руку, стараясь не шевелиться, чтобы случайно не разбудить ее, прикорнувшую на его плече, но Элен уже не спала. Запах гари и паленого мяса постепенно улетучивался, сменяясь реальным: дым, разгоряченные рельсы и земля, размытая дождем.

Завтра они будут в Кёльне, тогда же начнется и ее миссия.

За восемь лет Элен сильно изменилась: получила образование, как и обещала брату; научилась шить как следует, чтобы соответствовать парижской моде; устроилась работать в университет после защиты.

И, как и Тео, вступила в сопротивление.

— Ты не спишь, дорогая? У тебя руки дрожат, — Эдмунд ласково коснулся ее запястья. Элен подняла голову: идеально уложенная челка под модной шляпкой, красная помада, бежевый брючный костюм — она ценила свое удобство в путешествиях, при этом демонстрируя первоклассное чувство стиля.

Эдмунд поправил круглые очки, любясь на нее.

— Мне до сих пор не верится, что ты моя жена.

Элен улыбнулась уголком алых губ.

— Тебе просто повезло.

Разумеется, ей не дали никакого партийного билета. Но дали крупницы информации в ответ на то, где находится сей-

час ее брат.

Да и что она скажет, когда увидит его? «Милый брат, ты все такой же упрямец!»? Даже во Франции, находясь в тяжелых условиях оккупации, сопротивление не бездействовало. То, что Тео могли убить в стане врага до встречи с ней, казалось немыслимым и страшным, и она старательно гнала эти мысли прочь, пока не будет знать наверняка.

Даже если его и убили — она должна знать.

— Элен Вернер... Моя Лили, — не выпуская ее руки, Эдмунд поцеловал тыльную сторону ее ладони. Свободной рукой она потянулась к сумочке, доставая портсигар и мундштук.

— Знаешь, кто будет завтра из знакомых?

— Если честно, не представляю. Все? Премии собираются вручать не только ученым, но и предпринимателям, инвесторам, ветеранам, героям войны. Даже неловко от такого разношерстного конгломерата...

«Парад чудовищ,» — мысль прозвучала ненавидящим голосом брата.

— Великолепный шанс поддержать связи, — Элен щелкнула зажигалкой, затягиваясь, а потом медленно отвела мундштук от губ. Дрожь отступила, затеяя сомнения и возвращая ей ясность ума. — Нужно обязательно поблагодарить герра Шварца за такую возможность.

— Само собой, милая. Он будет очарован, как и я. Как и любой другой...

Он склонился для поцелуя.

Сигнал поезда разорвал размеренный ритм колес. Элен метнула взгляд в коридор, где слышался нарастающий грохот шагов проводника. Его силуэт пронесся мимо двери, придерживая фуражку.

Эдмунд вздохнул и снова отвернулся к окну.

— Вот, началось. Это надолго...

— Обычное дело близ границы. Как минимум это значит, что мы почти на месте, — невесело усмехнулась Элен.

Послышались голоса: кто-то взволнованно оправдывался по-французски, но был прерван резким «Halt!»

— Нет, я не про задержки. Я ведь чистокровный ариец, тоже говорю по-немецки, — но каждый раз чувствую себя каким-то... Будто бы, виновным. А ведь меня пригласили на конференцию представители власти. За заслуги в исследованиях и достижения в науке! Я не просто гражданин страны, я совершаю вклад в ее развитие...

— И мы едем в Кёльн, чтобы заявить об этом вслух. Все будет в порядке, дорогой, — она чмокнула Эдмунда в щеку, тут же отвлекая его стиранием следа от губной помады.

Поезд замедлялся целую вечность и, наконец, остановился.

— Ты так спокойна. Ведь ты ненавидишь проверки...

— Никто не любит лишнее внимание, милый. С тобой я в безопасности, — Элен оплела локоть мужа и молчала, не отводя взгляда от двери купе.

Проводник шел обратно в сопровождении трёх немецких офицеров, что следовали за ним по узкому коридору. Силуэты черных плащей и фуражек были слишком узнаваемы: острые, угловатые элементы формы вызывали подсознательную тревогу. Смерть обрела свой новый, изысканный стиль.

— Можно подумать, в каждый пассажирский поезд проникли враги, — Эдмунд усмехнулся и похлопал Элен по запястью, успокаивая то ли ее, то ли собственные нервы.

«Невероятно, но одна такая сидит рядом с тобой...»

Из дальних купе раздался протестующий ропот пассажиров. Грохот багажа. Щелканье замков. Голос маленькой девочки, спросившей по-французски: «Мама, мы приехали?»

Элен знала, как проходят такие проверки. Протестовать ни к чему, они все равно залезут в багаж. Разворошат вещи, пролистают книги, растрясут кошельки в поисках мельчайшего подтверждения своих подозрений.

Прогредел троекратный стук в дверь.

«Нужно быть податливым, учтивым, одним словом — приятным. Тогда есть шанс расположить их, сойти за своего. И, конечно же, не забыть про...»

— Хайль Фюрер!

Лицо в черной фуражке вонзилось в проем, широко улыбаясь.

Эдмунд ответил на приветствие, с готовностью патриота дублируя жест. Высвободив его руку, Элен плавно отстранилась и обворожительно улыбнулась.

— Ваши документы, дорогие... пассажиры, — услужливо вставил немец, удовлетворенный реакцией, взглядом пере-скакивая с одного супруга на другого.

Элен со спокойствием и плавностью змеи извлекла из заднего кармашка дорожной сумки их паспорта с билетами, вложенными внутрь.

Досмотрщик молчал некоторое время, всматриваясь в написанное, пока позади него, из соседнего купе выталкивали возмущенного отца семейства с женой и детьми. Девочка лет четырех хныкала. «Как же мой кролик? Месье Кролик!»

Мальчишка постарше проскочил под локтем одного из немцев, но тот среагировал достаточно быстро, чтобы ухватить его за шкурку и обездвигнуть почти боевым приемом — заломав ребенку руку за спину. Элен вздрогнула от его пронзительного крика.

Досматривающий оторвался от документов, оглянулся и поторопил подчиненных. Закрыв, вернул оба паспорта супругам.

— Поздравляю с наградой, герр Вернер!

— О, вам известно?

— Вся Германия знает! С возвращением. Родина встретит вас с почестями, даже не сомневайтесь.

— Благодарю, — Эдмунд растерянно поправил очки.

— Хорошей вам дороги!

Обозначив прощание все той же проклятой фразой и широкой улыбкой, он скрылся за дверью, превратившись в раз-

мытый силуэт.

Элен очень медленно, долго и протяжно выдохнула дым, пока сердце не перестало бешено колотиться.

— Вроде, легко отделались, — все еще смущенный, Эдмунд не мог найти место рукам. Он потянулся за своим блокнотом для всего на свете — от запланированных встреч до случайных наблюдений, — пролистывая до пустых страниц.

— Все же запишу, с кем хотел бы встретиться. В Кельне будет несколько моих одноклассников, возможно, кто-то представит меня. Продолжать работу в Париже теперь совсем небезопасно...

Элен ударила ногтем по мундштуку, стряхивая пепел.

— Знаешь, — продолжал Эдмунд, записывая что-то наспех, явно воодушевленный. — Хорошо, что ты уговорила меня вернуться. Америка, все-таки, так далеко. Да и это все не зря, раз даже на границе меня узнают и поздравляют.

Элен думала о французской семье, которых вывели из поезда. Зачем они ехали в Германию? Или это кто-то из ее единомышленников?

Нет, слишком много совпадений. Им просто не повезло — как повезло Элен под протекторатом известного мужа.

Как бы то ни было, ее путь продолжается, а месье Кролик останется в пустом купе. Элен подавила в себе даже мысль выйти в коридор и убедиться в этом. Девочка вырастет и переживет это — если ей позволят выжить. В каком-то смысле, это тоже можно назвать везением.

Ей нужно было отвлечься.

Эдмунд прикусил кончик карандаша.

— У меня такое чувство, знаешь, как будто что-то важное маячит прямо на горизонте сознания, а я это упускаю. Это, наверное, не случайное ощущение...

— Или ты просто видишь знаки там, где их нет.

— Думаешь, это пустое?..

— Ты же сам говоришь, что магическое мышление не продвинуло бы твою работу ни на шаг, — Элен привлекла его внимание, коснувшись подбородка. — Оставь интуицию и ее подсказки мне.

Раздался сигнал. Неохотно покачиваясь, поезд снова наращивал движение. Поля: желтые, зеленые, с оградами вдоль железных путей мелькали, переходя в подвижные пятна, сменяясь все быстрее и быстрее.

Послушно приникнув к ее губам, Эдмунд вслепую потянулся к двери и защелкнул замок.

Взрыв аплодисментов оглушил ее.

Только что объявили очередного призера, пригласив его на импровизированную сцену возле рояля. Небольшой оркестр в очередной раз заиграл мелодию, похожую на марш, окрашенный торжественными мажорными тонами. Элен едва удавалось расслышать инструменты сквозь плотный гром

хлопков.

Человек в военном мундире подошел к господину, что озвучил его имя и заслуги. Две немки, блондинки в одинаковых платьицах, похожие, как близнецы, вручили ему орден в бархатной шкатулке. Тот, со смущенной улыбкой приняв награду, дожидался, когда зал успокоится, с благодарностью кивая гостям.

Элен не вслушивалась в его речь. Он наверняка рассыпался в признательности к своей стране, расе и предводителю. Элен ждала: из всех, кого уже упоминал распорядитель, нужное ей имя так и не прозвучало.

Эдмунд воссоединился со старыми знакомыми. Проще всего было бы задать вопрос напрямую, но такой способ казался Элен самоубийственным. С чего бы ей, жене ученого, интересоваться именно этим специфическим немцем? И обстановка, и внутренний голос вопили, что ошибки обойдутся очень дорого, и каждый необдуманый вопрос тут же обернется против нее. Она усмехнулась с того, какая горе-шпионка из нее вышла.

Оставалось быть внимательной. Но время шло, вечер перешел в ночь, и хоть горы алкоголя и развязали языки большинству присутствующих военных и гражданских, это не помогало Элен определить того самого человека.

— Все хорошо, дорогая? — Эдмунд обнял ее за плечо, привлекая к себе. На его пиджаке уже блестел недавно врученный орден. — Не потерялась?

— Почти. Столько народу... Сбивает с толку.

— Да, совсем как в старые добрые времена, — он провел ее сквозь толпу зрителей, которая начала хаотично расходиться от сцены, чтобы через полчаса снова собраться на очередную сессию анонсов и вручений.

— Шварц оставил тебя в одиночестве, дорогой?

— Ему пришлось отлучиться, встретить запоздавших гостей. Пойдем, кое-кто о тебе спрашивал, представлю вас.

Тревожное волнение кольнуло ей под сердце. Может, это и будет он? Тот, кого она ищет? Теперь, когда она почти отчаялась, это мог быть, действительно, кто угодно.

Официант, что шел им навстречу, прорываясь в плотной толпе, пронесся слева от Элен — и чуть не вылил на нее содержимое подноса. Возмущенный, Эдмунд отвел ее в сторону, что-то бросив ему вслед. Даже если это и было что-то оскорбительное, она не разобрала это. Он явно трудился не первые сутки, и был ошеломлен толпой безликих гостей не меньше самой Элен — отделавшись легким испугом, как она могла его винить?

Они приблизились к нескольким людям, собравшимся у стола с закусками и алкоголем. Немецкая речь уже сливалась в ее голове, превращаясь в сплошной гул из смеха и неразборчивых возгласов. Элен так устала вникать в смысл языка, звучавшего грубо и резко, так отличающегося и от французского, и от родного фламандского.

Эдмунд вместе с женой влились в кружок гостей, что уже

успели представиться ей: это ученый, коллега по проектам из университета, другой знакомый, уже из Гейдельберга, а также полковник с недавно прибывшей женой — фрау Цигель. Женщина подскочила к Элен и вырвала ее из рук мужа, притягивая к себе за запястья, в восхищении и восторге от нового лица.

— Фрау Вернер! Я так хотела с вами познакомиться!

Элен сдержала порыв разочарованно вздохнуть и улыбнулась женщине с сединой в уложенных волосах, всей усыпанной бриллиантами.

Новая знакомая высказала большой интерес к искусству, сетуя на своего мужа, который «совершенно в этом не разбирается», и Элен пришлось поддерживать разговор об импрессионистах и античных скульптурах (почему-то именно в таком порядке), вместо того, чтобы вслушиваться в обрывки чужих разговоров.

Она даже была рада сменить тему. Слишком многое уже пошло не так, не происходило ничего, что могло бы ей помочь и дать подсказку — но по наводкам, которые предоставили ей связные, иного шанса познакомиться с тем самым офицером могло и не представиться. Она не собиралась сдаваться. Элен решила, что вернется к этому, как только закончится очередной перерыв.

Оркестр заиграл мелодичную музыку, предоставляя гостям возможность развлечь себя не только разговорами.

— О, я мечтала потанцевать с мужем, — фрау Циглер пе-

рескакивала с темы на тему с той же прытью, что и пустилась на поиски супруга. Элен же подумала о том, что выпила недостаточно, чтобы танцевать среди элиты и света немецкой науки. Да и сколько времени прошло с тех пор, как они с Эдмундом танцевали?

Подол белого, легчайшего платья развевался на ночном ветерке. На одной из крыш Парижа, на фоне подсвеченной сотнями огоньков Эйфелевой башни и звездного неба они медленно покачивались в объятиях друг друга. Элен положила голову ему на плечо, переплетаясь с ним пальцами. В тот вечер они обручились, и она никогда не чувствовала себя счастливее...

— Фрау Вернер?

Немец отчеканил ее имя, как на допросе. Элен оглянулась, смерив его взглядом, и тут же проворковала с очаровательным французским акцентом:

— Я наступила вам на туфлю? Прошу прощения, месье..

— Нет, не уходите. Ночь только началась, — он взял ее руку, бесцеремонно целуя запястье.

Ее порывом было: «Что вы себе позволяете?!», но она осеклась. Может, он и есть тот, кто ей нужен? В это сложно было поверить. О Ястребе отзывались с остервенелым благоговением даже те, кто искренне ненавидел и презирал его, а этот человек производил впечатление напористого хулигана.

— Прошу, оставьте, меня ждет муж.

— Что ж, неудача. У него слишком красивая жена.

Она поразилась такой наглости, намереваясь шагнуть прочь, но он преградил ей путь. Он был выше ее. Одетый в черный костюм, как и многие приглашенные, без каких бы то ни было знаков отличия. Бахвальный офицер, так гордящийся своими достижениями, пришел бы при полном параде. Просто гость, перебравший на торжественном вечере, одурманенный шампанским и успехами своей страны.

Элен закатила глаза, отыскивая в сумочке портсигар.

— Красота — мое проклятье.

— О, нет, — он оплел ее талию, прерывая поиски, и взял ее ладонь в свою. — Вы ничего не знаете о проклятиях, фрау Вернер. Вот я — проклят, несомненно. Но я счастлив.

— Почему же? — она раздраженно усмехнулась, не вырывая руки. Чувствовалось, что он сильнее, а скандал и нелепая сцена были ей ни к чему.

— Потому что буду танцевать с вами.

Нет, он не был пьян. Прямой, статный, и что-то в его поведении, даже манере говорить, отличало его от других. В его бесцеремонности было нечто притягательное, и поймав себя на этой мысли, Элен решила подыграть ему. В конце концов, она так устала волноваться.

Незнакомец вывел Элен в центр просторного зала. Великолепный отполированный паркет, старинные портреты в тяжелых рамах высоко на стенах, громоздкие люстры с

десятками свечей под потолком; даже если это здание и было чьим-то шикарным особняком, теперь оно наверняка принадлежало правительственным командирам. Яркий свет ослеплял, а простор вокруг так отличался от тенистых групп собеседников, обсуждающих войну, науку и Германию.

Заиграл вальс.

Оба пришли в движение одновременно, плавно закружившись по залу. К счастью, они были не одни, и все больше подданных и не слишком господ подражали их примеру, приглашая потанцевать как своих, так и чужих спутниц. Элен было проще находиться среди толпы, нежели быть на всеобщем обозрении, но более тревожным теперь ей казалось то, как вел себя ее волевой партнер. Он вел уверенно и не отрываясь смотрел на Элен.

— Кто вы, месье?

— Вы слышали о вервольфах?

Элен опешила и сосредоточилась, чтобы убедиться, что верно понимает контекст и не путается в немецкой лексике.

— ..Люди-волки?

— Больше волки, нежели люди. Оборотни. Они не властны над собой, лишь луна управляет ими. Когда она велит им выть - они воют, а если велит убивать — убивают.

— Что ж, многие из нас похожи на оборотней, — Элен плавно и чутко следовала, куда бы он ни направил, потакая его лидерству с превосходным покорством, что обычно по душе таким мужчинам — и чувствовала, как это ему нравит-

ся. — И какое же отношение волки имеют именно к вам?

Уголок его губ изогнулся, а в глазах сверкнул необычный огонек.

— Я же говорил, что проклят. Вы не заметили, но там, снаружи, сейчас сияет полная, до одури пленительная луна.

Во время танца с ним Элен избегала визуального контакта, следуя не только внутренним ощущениям, но и общим правилам приличия. Он не настаивал. Улыбаясь, все так же беззаботно рассматривал ее очерченное скулами, красивое лицо, линию плеч и линию декольте ее вечернего платья. В этом не было ничего необычного, но что-то упрямо подсказывало ей быть настороже, остерегаться его, в любой момент быть готовой к бегству.

Это пугало. Она решила, что бросит себе вызов, и посмотрела ему прямо в глаза.

— Герр Вервольф?

— Я весь ваш.

— Вы неплохо танцуете для зверя.

— А вы легки, как лань.

— Как вас зовут?

— Зовите меня Йохан.

Великолепно. Когда каждый третий в стране — Йохан, с таким же успехом он мог не представиться вообще.

Оркестр начал замедляться. Одновременно с финальными аккордами незнакомец замер с Элен в своих руках, склонившись над ней так близко, что невозможно было избежать

его пронзающего взгляда. И Элен смотрела на него, не отвлекаясь, пока он наконец не произнес:

— Поужинаете со мной?

— Боюсь, что вынуждена сопровождать моего мужа.

— Он чересчур самонадеян, раз посчитал, что такая, как вы, ему по зубам.

Элен усмехнулась, освобождаясь из его полубобьятий и отступая без особого труда — не уверенная, была ли это ее заслуга, или его решение позволить ей освободиться.

— Неужто ваши зубы крепче?

— Кости хрупки, фрау Вернер. Но, так уж и быть, я буду нежен.

Чем дольше длился их зрительный контакт, тем больше он походил на дуэль. Элен чувствовала, что еще немного - и она потеряет маску самообладания и безразличия. Слишком уж чуткий интерес он проявлял к ней, казался ей слишком странным.

Объявили об очередном круге вручений, и это ее спасло — они оба оглянулись на ведущего на сцене.

— Хорошего вечера, герр Вервольф, — не дожидаясь ответа, Элен поспешила удалиться в глубину собирающейся толпы, вновь заполняющей зал, чтобы поскорее найти Эдмунда и отбросить чувство неясной тревоги.

Эдмунд наблюдал за действием у столов, вместе с супругами Циглер и еще одним коллегой из университета. Найдя их, Элен пристроилась под боком мужа, обхватив его руку и

тут же находя спокойствие. Циглер вручила ей забытый бокал шампанского, и все вместе они замерли, вслушиваясь в речь.

Распорядитель со сцены разразился благодарностью от важным воинам и бойцам, защитникам великой Германии и покорным слугам правительства. Такое введение разительно отличалось военизированным, даже агитационным тоном, нежели ранее представленные ученые и врачи. Весь зал преисполнился особенным благоговением перед, очевидно, героями войны. Элен насторожилась, в нетерпении ожидая имени.

Среди награжденных представителей действительно было несколько военных чинов. Их фамилии и лица тут же стирали из ее памяти, пока не прозвучало то самое.

...«И Людвиг Йохан Фальке, отважно сражавшийся как на поле боя, так и беспощадно уничтоживший коварных недоброжелателей в тылу».

— Фальке? Что-то знакомое, — Эдмунд хлопал ее по руке, вспоминая. — Ты не помнишь, Йенс?

Герр Циглер кивнул.

— Мы играли в университетской команде. Мой хороший знакомый, мы часто обмениваемся новостями. Из-за травмы он...

Вдруг все голоса и фразы слились для Элен в неразбор-

чивый шепот. Она не сводила широко распахнутых глаз со сцены. Принимая рукопожатие и награду из рук улыбчивых девушек, туда вышел танцевавший с ней незнакомец.

Улыбаясь и кивая, он окинул взглядом толпу, пока не остановился на Элен.

Это казалось неправдоподобным. Нереалистичным. Совершенно невероятно, что он действительно отыскал ее среди лиц, так что, даже чувствуя на себе его взгляд, Элен убедилась, что это ей просто кажется.

Но в остальном все верно.

Это Ястреб. Людвиг Фальке, сорвавший операцию Тео; последний, кто видел его; виновник его исчезновения.

Убийца ее брата.

II. Светлое будущее

Эдмунд целовал ее очень нежно. Бережно касался рук и плеч, будто боялся повредить. Гладил по спине, накрывал грудь теплыми ладонями и едва дышал, не смея нарушить ночную тишину, хоть в отельном номере и не могло быть никого, кроме них.

Он был измотан после долгой церемонии вручения, но Элен нужно было успокоиться, найти утешение после своего провала.

Фальке был так близко — теперь она хотя бы знала, как он выглядит. То, как она позволила себе расслабиться лишь ненадолго, и вместо того, чтобы расположить, оттолкнула. Учитывая его интерес, можно было надеяться на обратный эффект. Люди всегда лишь сильнее хотят то, чего не могут получить, так что знакомство можно было считать успешным — но Элен не могла сказать наверняка, и это раздражало, держало в нервном напряжении весь оставшийся вечер.

Циглер пригласил их всех на завтрашний ужин, обещая организовать еще пару полезных знакомств для Эдмунда. Фальке будет там тоже, на правах давнего друга — знающий ответы на вопросы, которые Элен так жаждала услышать. После чего вцепиться ему в лицо и выдрать к черту насмешливые глаза.

Но сейчас здесь не было Фальке, как не было ни намек на

ответ или подсказку. Только Элен, полная сомнений и страхов, и Эдмунд, придерживающий ее за бедра, направляющий ее движения.

Во время секса маска Элен, вся ее оболочка, в пике ритмичных движений обретала смысл и чувства. Он провел по ее животу теплой ладонью, и Элен вжала ее в кожу, чтобы чувствовать отчетливее. Так сложно держать лицо, не пропускать истинные эмоции наружу, но в моменты их близости все было в порядке вещей, и она получала немного свободы. Блаженная наполненность. И совсем немного боли — она ведь заслуживала ее за всю ложь и свои нераскрытые мотивы.

Иногда она думала, как поступил бы Эдмунд, узнав обо всем, как она использует его. Накричал, посмел бы ее ударить?

Элен подняла его руку по своей груди, шее и положила на свою щеку — представив, как это место горит от пощечины.

По разгоряченному телу пробежала дрожь, и тревога отступила. Элен вонзилась ему в плечи ногтями, оставляя белесые следы, и запрокинула голову, оказавшись в долгожданной пустоте. Эдмунд подхватил ее секунды спустя, заворачивая, обессиленную, в одеяло.

Он целовал ее часто, в губы и везде вокруг, куда попадал, закрыв глаза. Элен оставляла темные следы на его шее и плечах — но так, чтобы все они потом оказались под воротником.

Наконец, она выскользнула из его объятий и легла на спину, плечом к плечу. Мягкий ленный свет лег на ее обнаженную грудь. Эдмунд подпер голову, наблюдая, как Элен не глядя тянется к тумбочке, безошибочно находит сигареты и зажигалку и закуривает, не отрывая отрешенного взгляда от потолка. Затяжка, выдох. Оранжевый уголек сверкнул и погас, окутанный дымом.

Он коснулся ее лба, бережно убирая светлые локоны с лица.

— Ты такая красивая.

— Дорогой...

— Да?

— Ты ведь любишь меня?

— Конечно, милая. Я очень тебя люблю. Если тебе не по себе в Кёльне, я могу попросить выделить автомобиль, чтобы...

— Нет, не пытайся от меня избавиться.

— Я не могу заставить тебя уехать. Просто хочу, чтобы ты была спокойна и счастлива. Все обязательно наладится, — он взял ее за руку, сплетаясь пальцами, и целовал, поднимаясь от запястья к плечу. — Мир придет в себя, станет стабильнее и безопаснее, не будет досмотров и косых взглядов. Только светлое будущее.

«Светлое будущее для победителей».

Она повернула к нему голову. Эдмунд выглядел так непривычно без очков, будто он не тот робкий и замкнутый

ученый, а кто-то совсем другой. Родной человек, которого она позабыла за долгое время разлуки, а теперь увидела и признала. Ей нравилось его голое лицо даже больше.

Теперь, когда она так изменилась, смог бы Тео увидеть в ней кого-то близкого?

— Надо все-таки немного поспать, — Эдмунд приподнялся, поцеловал ее в лоб и отвернулся, устраиваясь на боку. — Светлых снов, дорогая.

— Светлых.

Под окном, беспокоя тишину, проехала одинокая машина.

— Лили, ты видела мой ежедневник?

Она отложила книгу. Длинное летнее платье струилось по ногам. Такое лучше бы смотрелось на прогулке, но в гардеробе Элен уже давно не водилось одежды «попроще». Положение обязывало выглядеть безупречно.

Растерянный, Эдмунд подошёл и склонился над ее креслом, заглядывая за спинку. Элен плавно отклонилась, чтобы не встретить лбом его подбородок.

— На столе или в чемодане, дорогой.

— Уже посмотрел, там его нет.

Она вздохнула, пока он продолжал поиск по углам и полкам. Отложила книгу на постель, прошла к столу и взяла ис-

комый ежедневник. Когда Эдмунд обернулся, он замер, осознавая всю нелепость ситуации.

— Дорогая, — взяв его, он обнял жену. — Что бы я без тебя делал?

— Полагаю, провел бы еще пару часов в поисках, пока не отчаялся.

— Не иначе, — он быстро поцеловал ее в щеку и принялся листать заполненные мелким почерком страницы.

Милый, рассеянный Эдмунд. Когда они только познакомились, Элен казалось, что это она при нем — маленькая девочка. Прекрасно ориентируясь в логических связях и природных явлениях, он порой совершенно терялся в материальном мире. Удивительно, как это совмещалось с его научными и медицинскими премиями. Впрочем, об этой его несобранности знали только близкие.

— Как все удачно складывается. Йенс неплохо здесь закрепился, а полезные знакомства сложно переоценить. Сказал, что зря я уехал преподавать в Париж.

— Но если бы ты не уехал, мы бы не встретились.

— Именно. Я так и ответил: «Нужно было заехать познакомиться с одной невероятной женщиной».

Он пошел было к столу, но Элен мягко удержала его за ворот пиджака. Эдмунд поднял вопросительный взгляд.

— Что-то не так?

Помедлив, она молча поправила его воротник и положила ладони ему на плечи.

— Долго займут твои исследования?

— Сложно сказать, ведь мы еще не обсуждали детали, да и рабочее пространство под вопросом. Думаю, за ужином прояснится. Что такое, Лили? Боишься, что я надолго оставлю тебя в одиночестве?

— Я исправно буду ждать твоего возвращения. Посмотрю город, — Элен легонько оттолкнула его, возвращаясь за книгой. — Спрошу фрау Цигель, не против ли она присмотреть за мной в Кельне.

— Хорошо, очень хорошо, — он поправил очки. — Только, если работа действительно затянется, знай, ты не обязана оставаться. Ты всегда была чутка к настроениям, висящим в воздухе...

— Эдмунд, все в порядке. Пожалуйста, делай то, что должен. Это все, что действительно важно.

— Эй, эй, — он отложил свой ежедневник и потянул Элен сесть на кровать рядом с ним. — Ничто не может быть важнее моей жены. Пожалуйста, расскажи, что у тебя на душе.

— Мы обсуждали это уже много раз, — она опустила голову ему на плечо, совершенно обмякнув. — Ты не можешь и не будешь моим терапевтом, дорогой. Это в первую очередь не этично.

— Я хочу поддержать тебя, если ты чувствуешь себя не в своей тарелке.

— Не мучай меня. Все в порядке. У тебя есть проект, который поможет многим, так теперь еще и появится возмож-

ность работать в полную силу, без неудобств и ограничений. Сосредоточься на этом. Я справлюсь.

Он погладил ее по волосам.

— Скажи, что облегчило бы твою тоску?

Элен подняла голову и посмотрела на него с укором.

— Понял. Молчу, — он примиряюще улыбнулся и поцеловал ее в лоб. — Не позволяй мрачным мыслям взять верх, ладно? Любая проблема решаема.

— Да. Ты прав. Спасибо.

Этого обычно хватает. Не спорить, а согласиться, что бы он ни сказал, пытаясь ее приободрить. Насколько бы странными и неуместными ни казались его наблюдения и до смешного прямые вопросы. Свернуть неудобный разговор вежливым согласием — так в стиле тетушки, только та всегда одаривала собеседника открытой и доброй улыбкой, чтобы он не чувствовал себя неудобно. У Элен не хватало сил на подобный финальный аккорд. Она не помнила, когда искренне улыбалась в последний раз, не отдавая себе мысленного приказа.

Эдмунд сверился с часами.

— Скоро выезжать.

Он осмотрел ее, неподвижно и прямо сидевшую на постели в легком просвечивающем платье.

— Без помады на губах ты выглядишь, как ангел. Такая нежная и невинная.

Она усмехнулась и прошла к туалетному столику, по до-

роге привычным движением убирая волосы за спину.

— Дай мне десять минут.

Машина остановилась у помпезного здания в центре города. Элен вышла с привычной медлительной грацией — ровный позвоночник, синий бархатный костюм, идеальные волны светлых волос, слегка сдвинутая на бок шляпка и алые, неизменно яркие губы на бледном лице. Эдмунд подал ей руку — за весь путь он не проронил ни слова, пребывая в своих мыслях и нерешенных задачах точно так же, как и она. Оба находились в своеобразном поиске — но свою цель Элен теперь уже понимала чуть лучше.

Оставалось постепенно подбираться все ближе.

Супруги Вернер прибыли вовремя, в ресторане их сразу же проводили к нужному столику. Циглер встал, чтобы поприветствовать Элен и пожать руку Эдмунда.

Там уже сидело несколько человек: коллеги и ближайшие сослуживцы. Все они были на церемонии вручения, и она освежила в памяти имена каждого: очевидно, сплошные немецкие фамилии. За большим столом сидели четверо мужчин, двое из них — со спутницами, с ними Элен уже общалась лично на вручении. Третьим был Келлер, очередной военный высокого чина, и, наконец, Людвиг Фальке.

Он тоже поднялся, завидев их приближение. На спинке

его стула висела трость, но он ей не воспользовался.

— Рада встретить вас снова, герр Вервольф — бесстрастно сказала Элен, когда он удержал ее кисть в своей руке. — Но позвольте мне поздороваться с подругами, — и прошла дальше, обходя стол, по дороге снимая шляпку.

От его взгляда дрожь скользнула по спине. Это не просто пугало, это было похоже на одержимость — разумеется, она уже знала о его присутствии, но то, как он менялся в непосредственной близости от Элен, одновременно льстило и отталкивало. То, насколько по-настоящему опасны эти люди, обычно неизвестно их спутницам — вряд ли гражданские вообще представляют, что происходит за ближайшей границей. А на территории оккупированных стран? Да и зачем им это? У них есть газеты, радио и развлекательное кино, где о войне говорится только с самой привлекательной стороны. О праведной ненависти, что постепенно разжигают внутри людей, медленно и настойчиво, Элен предпочитала думать как можно реже.

Последнее, что она увидела в местной газете, отбило любое желание погружаться новости — там все было однотипно-замечательно, успешно, светло и благополучно. Чем меньше она знала об истинных ужасах войны, тем проще было находиться среди друзей мужа. И все равно, заплывая в эти воды, Элен каждый раз боролась с внутренним противодействием, которое вставало на пути, как барьер, мешая расслабиться и играть свою роль. Как можно оправдывать же-

стокость? Почему убийства, несмотря на сотни лет морального и культурного наследия, вдруг становится допустимым средством решения проблем?

Доброжелательная фрау Цигель поприветствовала ее, не позволяя утонуть в мрачных образах, и тут же включая в игру, полноправно овладевая собеседницей — опыт общения показал, что восприимчивая и любознательная фрау скорее убьет, чем позволит кому-то прервать их обсуждение различных искусств.

— Ни Йенс, ни Генрих совершенно не разбираются в импрессионистах, милая. Давайте продолжим нашу дискуссию: вы, кажется, в последний раз упоминали о характере цветов Моне?

— Импрессионисты замечательны, но вас же интересовали современные тенденции? Сейчас в расцвете модернизм и сюрреализм, но боюсь, что нынешняя Германия ясно дала понять, что не приемлет подобное в искусстве.

— Вы говорите о Дали? — фыркнула Цигель. — Это все — эпатаж, представление без смысла. Чем больше огласка — тем эффектнее работы, не наоборот.

— Именно таких и называют впоследствии гениями. Но вам бы я посоветовала, если будете в Париже, заглянуть в мастерскую Жрансуазы Жило — талантливая юная особа.

— Ваши знакомства будят во мне не только интерес, но и зависть, — Цигель вздохнула. — С Йенсом не приходится говорить об искусстве, но вы — моя отдушина, пока все мы в

Кельне. Слышали, что фрау Рифеншталь перенесла съемки своего нового фильма? Вроде, из-за травмы или болезни. Я надеялась уже в следующем году увидеть ее на экране...

Говорить об искусстве, пока на востоке идет ожесточенное наступление. Пир во время чумы.

— Что ж, пожелаем фрау Рифеншталь скорейшей поправки, — Элен взялась за уголок салфетки, сложенной в фигуру лебедя на тарелке, и расправила ее одним взмахом. — «Олимпия» вышла поразительной. С таким искренним восхищением показать красоту и возможности человеческого тела... Это нечто уникальное.

— Верно! Неудивительно, как голливудские фильмы, поставленные на поток, далеко ушли от искусства.

— Не будем так категоричны. Даже относительно простые картины имеют право на существование, просто фрау Рифеншталь — из другого теста. Она как скульптор, только работающий с отснятыми кадрами. Талантливые женщины — не редкость, но они редко получают признание.

— О, она знает, как себя подать, и с кем следует дружить, — улыбнулась Цигель. — Это нам с вами понятно, как никому другому: сколь тяжело женщине выдерживать конкуренцию мужчин, да что там, даже просто находиться рядом. Будь мой Йенс хоть чуточку внимательнее, он не смотрел бы свысока на такую важную часть жизни, как искусство...

Элен вежливо улыбнулась, благодаря официанта за принесенное блюдо — симметрично выложенные на тарелке

несколько рулетиков из баклажана, наполненные смесью из сыра и овощей, политые тонкими полосками бальзамического соуса. Почти французская подача. Цигель принялась за еду без эмоций восторга, и Элен поступила бы так же, не обратив на привычный изыск вокруг особого внимания, но сейчас, поймав себя на этом почти детском ощущении восхищения простыми, казалось бы, будничными вещами, она замерла с вилкой в руке.

«Сколько прошло времени? Разве я успела привыкнуть к роскоши? Почему мне казалось, что я заслуживаю всего этого? Нет, сейчас не время для самоанализа. Не время и не место».

Окинув взглядом всех собравшихся за столом, герр Циглер торжественно поднял бокал.

— За Германию, господа и дамы!

— За Германию! — прозвучало почти идеальным хором.

Мужчины обсуждали войну и политику. При всей настойчивости фрау Цигель, Элен было сложно сосредоточиться на их разговорах, но постепенно она приняла позицию активного слушателя, выхватывая фразы и целые диалоги на фоне изложений сплетен о личностях из местной богемы. Фальке сидел напротив и чуть наискосок от Элен. Казалось, что он находится в покое, и сидит неподвижно, практически не меняя положения, приняв почти идентичную позицию в разговоре — больше воспринимал, почти не вступая в дискуссии. Элен надеялась узнать больше если не о его работе, то хо-

тя бы о нем самом и его позиции. Возможно, даже взгляде на войну. Все-таки, военные — непосредственные акторы, и почти наверняка располагают мнениями, отличающимися от того, о чем пишут в газетах и вещают на радио про-партийные издания.

Эдмунд очень кстати включил его в разговор.

— Спасибо, но я ведь не единственный награжденный. Герр Фальке, расскажете, как именно вам удалось прославиться? Вроде бы, это не первый ваш подвиг. Хотя мы с вами и не были близки в период учебы, Йенс так или иначе рассказывал о ваших достижениях.

— Что ж, благодарю, но я всего лишь делал свою работу. Тем более, что теперь пользы от меня будет чуть меньше.

Он явно намекал на свою травму. На приеме, хоть и с опозданием, он был без трости — не хотел показывать слабость перед бушующей толпой?

— Пожалуйста, герр Фальке, — Элен прильнула к плечу мужа, поддерживая его вопрос. — Мне бы очень хотелось услышать о подвиге, за который вас удостоили столь почетной награды.

Все затихли в ожидании рассказа. Наконец, он ответил:

— Ну хорошо. Все было очень просто. Нам удалось перехватить группу террористов на востоке — мы с моими ближайшими людьми расследовали несколько, мм... Неприятностей, устроенных их шайкой. Достаточно стандартные вещи: подрывы складов, железных дорог и так далее. Они бы-

ли опасны еще и тем, что не гнушались человеческих жертв. Будь это даже несколько гражданских — жизни ничего не значили для них, в отличие от «братства».

Рассказывая Элен об операциях Тео, Шульц назвал их точно так же. Она вся обратилась в слух.

— У нас не получилось полностью предупредить ситуацию, но мы застали их врасплох. Вынудили их вступить в открытую перестрелку — не без последствий. К счастью, группа была обезврежена. Я отделался ранением, и выжил, в отличие от трех моих сослуживцев, чем и заслужил награду. Поэтому внимание обошлось нам, пожалуй, неоправданно дорого.

— Чудовищно, — ахнула Циглер, стараясь избегать образов кровавой бойни, что рисовало ей воображение.

Элен «ненадолго» провела ножом по тарелке, представляя, что прорезает его поганую глотку.

— Вы действовали наверняка. Неужели ни один из террористов не был схвачен в плен?

— Разумное предположение, — кивнул Людвиг. — Мы ожидали, что нам удастся не просто предотвратить очередной подрыв, но и заманить их лидера в ловушку, вынудив их сдаться и не допуская прямого конфликта.

Глядя на растерзанные куски в тарелке, Элен усилием вынырнула из своей неизбывной ненависти, чтобы не выказать излишнюю степень интереса — и подняла взгляд. Чуть приподнятые брови, чуть склоненная голова.

— И что же пошло не так?

— Их связной оказался слишком осторожен. Иногда шестое чувство подсказывает нам, что делать, чтобы остаться в живых. Во время атаки они дали звериный отпор, а их лидера не оказалось вместе с ними, хотя наши данные говорили об обратном. Верно, сам ангел-хранитель отвел от него беду.

У Элен екнуло сердце. Тео сбежал. Он должен быть жив. Она все еще может его увидеть...

— То есть, где-то по улицам до сих пор ходит опасный террорист, — буркнула Цигель, явно уязвленная в раз упавшим уровнем своей гражданской безопасности.

— Признаю, я не горжусь этой операцией. До сих пор нам удавалось действовать тихо и хирургически-точно, без лишней огласки, а теперь я вынужден совсем уйти со сцены. Поэтому мне неудобно говорить об этом, как о подвиге.

— И все же: враги обезврежены, покушение не состоялось. Разве вам не льстит заслуженный триумф?

Он усмехнулся.

— Смысл истинного профессионализма — не в признании, и не в минутной славе. О действительно удачных операциях широкая общественность обычно даже не догадывается. Соппротивление старается действовать так же, но им катастрофически не хватает ресурсов — хоть так мы можем заставить их поумерить амбиции и жертвовать собой ради призрачного успеха. Это отчаявшиеся, уставшие люди, готовые на все. В этом их сила, и в этом же — их слабость. По-

этому, поимка Янковского — дело времени.

Как же давно она не слышала этой фамилии — своей настоящей фамилии.

— У вас железная выдержка, — Элен отвернулась и с улыбкой достала сигарету.

— И такая же крепкая хватка, — Келлер, другой военный, хлопнул Людвига по плечу, воодушевляя всех за столом. — Будьте уверены, если он взялся, то доведет дело до конца. Этим ублюдкам не сдобровать! За Фальке! За безопасную Германию!

— За Фальке! — поддержали остальные.

— Но хватит обо мне. Вот вы, Эдмунд, сулите миру немалые открытия.

Разговор перешел в область нейрохирургии. Элен слушала — кажется, в десятый раз, с тех пор, как Эдмунд тренировался излагать свою концепцию в соседней комнате. Мир медицины был ей не настолько знаком, другим женщинам тоже было интереснее окунуться в привычные сплетни.

— ...Это также можно понять по движению зрачка, но пока что все это — просто гипотеза, — заключил Эдмунд.

— Продолжай развивать эту идею, — поддержал Йенс Циглер. — Зная тебя, уверен, что ты стоишь на границе чего-то совершенно особенного.

— Если мои догадки верны, то это исследование продвинет все существующие науки о человеческом мозге, — его собственные зрачки расширились от восторга. — А если в

будущем станет возможно измерять импульсы при помощи чувствительных датчиков... Только представьте. Тогда можно будет отобразить работу органов, которую невозможно увидеть без хирургического вмешательства.

— Эдмунд, иногда начинает казаться, что вы еще и одержимый мечтатель, — с ласковой улыбкой сказал Келлер.

— Таких безумцев впоследствии называют гениями, — тихо заметил Фальке, не отрывая руки от подбородка.

К этому моменту уже подали второе. Подняв приборы, Людвиг как ни в чем не бывало взялся за еду, перед этим обратившись ко всем за столом, но взглянув на Элен:

— Приятного аппетита.

Эдмунд тоже повернулся к ней с улыбкой и только теперь отпустил ее руку. Кивнув мужу, она снова взглянула на Фальке.

Людвиг добавил, как бы между делом:

— Возвращаясь к фрау Рифеншталь. «Триумф воли» все еще нравится мне больше «Олимпии». Технический прорыв, совершенный в процессе производства, все эти подъемные краны, общий масштаб... Поражают воображение.

— Не удивительно, что вам понравилось. «Триумф» пришелся по душе самому фюреру.

— Это заказ, исполненный с любовью и мастерством.

— Безусловно, герр Фальке.

— В следующий раз, когда у вас будет свободное время, я приглашу вас в кино.

Элен вежливо улыбнулась. Эдмунд был слишком увлечен продолжением дискуссии с Келлером, чтобы заметить, но даже если бы заметил, скорее, поощрил бы ее новые знакомства.

Людвиг улыбнулся тоже.

Это показалось бы ей не таким пугающим, если бы Элен не покидало странное ощущение. Ей казалось, что пока ей не удалось узнать о нем ничего ценного или хотя бы нового, он, в свою очередь, уже успел узнать совершенно все о ней: по неизвестным секретным документам, хроникам, французским университетским записям и собственным наблюдениям. Да и что, при его связях в разведке, могло бы ему помешать?

«Просто продолжай играть Элен».

— Лили, ты слышала? Герр Келлер любезно предложил воспользоваться их научным корпусом для моих экспериментов.

Эдмунд коснулся плеча жены, не в силах скрыть восторг. Элен повернулась к нему, кивая и остальным его собеседникам. Келлер подтвердил сказанное:

— Там замечательный персонал, а главный научный сотрудник — мой хороший знакомый. Думаю, вы быстро найдете общий язык. Он будет только рад оказать услугу видному отечественному исследователю.

— Как чудесно, милый, — Элен накрыла руку мужа своей и подарила Келлеру одну из своих лучших улыбок. — Мы

очень признательны вам.

— Не стоит, дорогая, — тот отвел взгляд, едва не покраснев, чем заставил свою спутницу изогнуть бровь в недоумении.

— Что ж, раз так, придется нам все же задержаться в Кёльне, — заключила Элен.

Людвиг кивнул — не то своим мыслям, не то в ответ на ее фразу. Совершенно непонятный, но именно этим — интригующий и завораживающий, сейчас он казался... Довольным.

Она все еще не представляла, что могла от него ожидать, и от этого было не по себе. Будто идешь сквозь совершенно темную комнату на ощупь, рука об руку с удушающим, захватывающим чувством опасности.

Теперь ее разъедало любопытство.

III. Конец света

Его ладонь легла на шею.

Она ничего о нем не знала, но чувствовала лучше, чем когда бы то ни было; ощущала своей кожей, как ему нравится держать ее в руках и жадным дыханием вбирать в себя ее запах.

Холодные пальцы сдавили горло, едва оставляя воздух, но позволяя остаться в живых. Она старалась унять бешеный, оглушительный стук сердца, но была не в силах контролировать даже это — и на ее глаза наворачивались слезы.

Слезы неправильного, безумного, безудержного восторга.

Она села на кровати, проснувшись — будто вынырнула из-под воды.

Вокруг было тихо. Безопасно, как и перед их с Эдмундом отходом ко сну. Он лежал рядом, повернувшись спиной, почти с головой накрытый одеялом. Ее сердце грохотало, как ей казалось, слишком громко. Удивительно, что он не проснулся.

Нашарив халат, Элен встала с постели, закинула сигареты в карман и вышла на балкон.

Стоило шагнуть за порог, и воздух окатил ее леденящей ночной прохладой. Устроившись с ногами в плетеном кресле, Элен куталась в халат и всматривалась в бледное небо наступающего утра. Фонари еще не погасли. В эти минуты Кельн казался таким тихим — и все равно ему было далеко до той непроницаемой тишины, что бывает за городом. Париж доказал, что большим городам не до сна.

Она подпалила сигарету и затянулась, ощущая, как дым набирается в легкие — и выпустила его долгим, протяжным выдохом. Тепло начало разливаться по телу, защищая от холода. Страх, таящийся глубоко внутри, тоже отступил.

Ненавистный Людвиг Фальке просочился даже в ее сны, и с этим следовало что-то делать.

Он выступал безликим актором. Во сне редко видишь лица во всей полноте и детальной точности, но и без этого понимаешь, кто есть кто в происходящей сцене. У Элен там не было конкретной роли — там Элен вообще не существовало как таковой. Была только Дита — ведомый подросток, напуганная до одури, не знающая ни слова по-немецки, и Фальке, терпеливо задающий ей вопрос за вопросом, прежде чем своими руками отправит на тот свет.

Безликий мучитель. Закономерный образ, который сложился после всех рассказов и слухов о нем. Кому в голову пришло бы проверять их на достоверность?

Она заставила себя думать о хорошем, и короткие сценки из детства, затмевая боль и ужасы, замелькали перед внут-

ренным взором. Их было много: прыжки в реку с высокого уступа, походы в лес, прохладное раннее утро во фламандской деревеньке и темные уютные вечера в доме, пропахшем табаком. Тетя Мия курит у окна, читая книгу за книгой, и как бы Тео ни шмыгал носом, протестуя против «дымоходной вони», терпкий дым стал для Диты атрибутом спокойствия и безопасности.

Элен курила, представляя, как Тадеуш изменился за все эти минувшие годы. В последний раз они виделись перед ее выпуском из колледжа — сколько труда он приложил, чтобы вытащить ее из деревенской тишины и перевезти в пригород загадочного, необъятного и подвижного Парижа. Там же, передав ее на попечение Жака, своего проверенного друга, оставил готовиться к поступлению в университет. Взял с нее обещание, что она закончит учебу — и исчез.

Он много работал, постоянно учился новому и никогда не позволял себе слезы. Больше молчал, стойко переносил тяготы и все, что бы ни случилось с ними. Он остался таким же? Под каким именем его знают соратники, соседи, случайные знакомые? Каким они видят его изо дня в день? Таким же, каким знает и помнит его она?

Тетя Мия говорила, как он с каждым годом все больше похож на отца, и горько вздыхала.

Элен плохо помнила их отца. Ослепительное пламя выжгло его лицо из ее воспоминаний, как и лицо мамы, как и их младшего брата, совсем младенца. Тео помнил их от-

четливо, а она — по его рассказам и собственным рваным осколкам воспоминаний. Как мама звала их обедать, а папа на праздник принес с рынка ярко-алые леденцы.

Щелк. Свист. Взрыв.

Уличные фонари гасли один за другим, ненадолго прячась в сумерках перед восходом. Солнечный свет карабкался по домам и потихоньку вылезал из-за высоких стен, цеплялся за крыши домов, проникая в щели плотно зашторенных окон.

Она была жива благодаря Тео. И сделает все, чтобы помочь ему, отведет от него преследователя, а потом — не важно. Если придется, сама выстрелит себе в висок.

Серый воздух было сложно вдыхать. Пропитанный влагой, он словно оседал на коже. Не принося освежающей прохлады, наполнял промозглой дрожью.

Улицы Кельна еще полнились людьми, хоть сейчас они уже и расходились по укрытиям, ожидая дождя, — в целом, спокойных, немного чопорных, живущих привычной жизнью. Поглощенные будничными делами, они даже казались немного счастливыми. Их мир наполнен привычными занятиями, дома всегда есть тепло, и все вроде бы спокойно — таким понимаешь счастье, когда становишься взрослым.

Она чувствовала, как выделяется в своем светлом пальто на фоне темно-серых, подвижных человеческих фигур. Ми-

нуя мать с любопытным сынком, ларек бакалейщика, уличных зевак, Элен ощущала себя не просто чужой, а совершенно чуждой этому городу и миру. Это ощущение обычно дарило странное спокойствие, но только не сейчас. Когда она покидала отель, оставляя ключ у распорядителя, человек в шляпе проводил ее взглядом и попросил на стойке телефон. Тогда Элен передумала уточнять у швейцара, как близко отсюда находится почтовое отделение.

Начало накрапывать, и она пожалела, что не выбрала плащ для своей вылазки. Плечи начали тяжелеть, темнея, впитывая влагу. Пришлось остановиться под вывеской заколоченного магазина, взойдя на пару ступеней, чтобы не промокнуть. Витрина была разбита — не такое редкое, но все же странное явление для чистого и ухоженного центра города, где особенно трудятся над сохранением фасада привычной жизни. Внутри виднелись опрокинутые силуэты манекенов размером с ребенка, сваленные в кучу в темном углу за нагромождением пыльных досок. Где теперь владелец? Жив ли он вообще? Людям, что поспешно сновали мимо, подгоняемые дождем, не было до этого дела. В этом ли мудрость толпы? Избегании всего, что тебя не касается? Сама Элен была такой же — если бы война не затронула ее семью, вряд ли она оказалась бы здесь. Манекены с потертыми лицами выглядывали из тьмы — лики побежденных, погребенных и забытых за стеной магазина, разоренного смертью, уткнули взгляды ей в спину.

Щелчок зажигалки, и первая затяжка освежила мысли, плавно возвращая в реальность. Алкоголь не работал так, как секс и сигареты — почему-то именно эта путеводная нить вновь и вновь приводила Элен в мир живых, будто у нее самой не осталось сил вводить себя в общество снова и снова.

Долго ждать не пришлось. Он приближался неспешно, опираясь на трость, и только теперь подошел так близко, чтобы она могла его рассмотреть. Дождь стучал по навесу; капли скользили по его плечам и скатывались по гладкой черноте плаща. Людвиг склонился, приподняв фуражку и приветствуя Элен.

— Позвольте разделить ваше убежище?

Она кивнула. Дым затрепетал на алых губах, неспешно уплывая по влажному и плотному воздуху. Отправку телеграммы придется отложить.

Черная перчатка взялась за перила. Если шаги по ровной дороге давались ему без видимых усилий, то ступени доставляли больше неудобств. Элен выдержала паузу, давая ему перевести дух — он старательно не подавал признаков усталости, и в целом владел собой неплохо, раз парой дней назад умудрился еще и потанцевать с ней, а теперь был неразлучен с тростью.

— Вы следите за мной, герр Фальке?

— За всеми нами так или иначе приглядывают, фрау, — улыбнулся он, стоя с ней плечом к плечу и положив обе ла-

дони на трость. — К сожалению — или счастью, — служба приучила меня обращать на новые лица особое внимание. Наконец-то мне представилась возможность поговорить с вами наедине.

Она промолчала. Сигарета у рта, плечи расслаблены — если это способ проверить ее, в чем Элен не сомневалась, нужно проявить первородное спокойствие. В сравнении с ним, ее совесть кристально чиста.

— Не буду скрывать, на церемонии вы заморозили меня. Прекрасная француженка, трофей из-за границы. Я выпил больше, чем следовало, и вел себя, как идиот. Прошу меня простить, но я и впрямь потерял голову. Даже пустился в пляс, несмотря на.. Обстоятельства.

Сама мысль о том, чтобы проявить к нему жалость, вызывала в ней недоумение. Он заслуживал большего наказания.

— Не стоит, все в порядке. Мне ни на минуту не показалось, что в повседневной жизни вам необходима трость.

— Всею виной мое упрямство. За минуты счастья я расплачиваюсь тяжелым восстановлением, но это незначительная цена. Не хотел, чтобы вы видели меня таким, ни на ужине, ни сейчас, но решил встретиться с этим страхом лицом к лицу.

— Разве стоит стыдиться травм, полученных в бою? Это лишь подтверждает ваш героизм. Как говорят, шрамы украшают.

— Нет, дело не в признании, — он смотрел куда-то в сто-

рону, как и она. — Видите ли, дурная репутация идёт сильно впереди, и с такой ногой за нею не угнаться. Я не хотел, чтобы вы сторонились меня. Стоя с тростью, как старик, надеюсь, я теперь оказываю менее пугающее впечатление.

Элен немного помолчала, смакуя его уязвимость. Напоминая себе, что все это — игра, и все сказанное ими — ложь.

— Мне все еще обращаться к вам герр Вервольф, или стоит придерживаться правил приличия?

Он улыбнулся.

— Пусть это будет наш с вами особый язык.

Дождь перестал. Вдоль тротуара сбегал ручеек, по гладкой поверхности луж расходились круги от редких теперь уже капель.

— Ну что ж, — Людвиг вздохнул, осторожно сошел на пару ступеней и обернулся. — Раз нам довелось снова встретиться, позвольте сопровождать вас в прогулке по городу. Если у вас нет других планов, разумеется.

Элен курила, храня молчание и изучая его взглядом сверху вниз.

Он терпеливо ждал ответа. Наконец, она затушила сигарету о краешек перил.

— Отказать вам будет невежливо.

— Если бы вы отказали, — он подал ей ладонь, помогая сойти вниз, — мне всего лишь пришлось бы вас вразумить.

Элен взяла его под руку. Такое сопровождение было кста-

ти — патрульным, что сновали по улицам, не приходило в голову задавать уточняющие вопросы. Стоило им увидеть его приближение, как они отдавали честь и почтительно отходили, освобождая путь, а то и предлагая машину. Он благодушно отказывал им жестом, не прерывая общения. Спросил, каковы ее первые впечатления о Кельне, и как она решилась на поездку. Элен отвечала коротко, не придавая особого значения деталям — ее легенда, в конце концов, была в большей степени правдива, за исключением нюансов из далекого прошлого, о которых сама она едва помнила.

— Вы так послушны, фрау Вернер. Однако, меня кое-что беспокоит, — он остановился посреди улицы и повернул к ней голову.

Она молча выдерживала его взгляд добрых шесть секунд.

— Ваши глаза, фрау... В них будто нет жизни.

Элен усмехнулась.

— Но вот же я, вполне живая, перед вами.

— Ваш муж успешен и признан государством, сами вы красивая и образованная женщина, но вы несчастны. Я прав?

Ему так хотелось ее разгадать? К чему этот фарс? У нее были все основания прекратить разговор и сменить тему, но Элен решила и тут противостоять ему.

— За исключением того, что идет война, герр Фальке, я чувствую себя во всех смыслах допустимо. Уже не говоря о том, что работы моего мужа, будь ему предоставлена база для проведения исследований, помогут не только армии —

но, вероятно, продвинул науку о мозге для всего человечества. Сопровождать его и поддерживать — это мой долг перед всем миром.

— Верно. Да... Я был наслышан о стремлениях доктора Вернера уже очень давно. В основном, от Келлера. Если бы он не перестал каждый раз упоминать о вашем муже, мне бы в голову не пришло читать его работы, хоть мы и были опосредованно знакомы.

Это удивило ее. Он будто извинялся перед ней — за свою некомпетентность в некоторых областях, за свое малое влияние, за оккупацию, за войну, в конце концов. Не отрицал, признавая все неудобства, связанные с этим. Или ей хотелось, чтобы он думал именно так?

Он продолжил:

— Не отношу себя к людям, сведущим в физиологии и высокой медицине. Вот обсуждение человеческой природы мне гораздо ближе.

— Так вы философ, герр Фальке?

— Всего лишь человек. Хотите кофе?

Они оказались перед уютным кафе. Элен с удивлением осознала, что совершенно не следила за тем, каким путем вел ее Людвиг. Она помнила общую гамму серых и туманных улиц, но только не повороты и ориентиры. С ним, вместе с ощущением таящейся опасности, ее охватывало чувство необычного доверия — будто она дева, что голыми руками распахивает пасть огромного льва, зная, что тот не по-

смеет причинить ей боль. Элен чувствовала над ним необъяснимую власть.

Она смерила его взглядом и улыбнулась.

— У меня все равно не получится вам отказать.

Прямой и симметрично-угловатый, он сидел напротив, чуть склонившись вперед. Замерев, изучал ее, наблюдал за ее движениями.

— Вы очень красивы.

Элен коснулась блюда и поднесла чашку к губам в лучших традициях чаепитий высшего света.

— Мне лестно это слышать. Но, признаюсь, мне не по себе от вашего пронизывающего внимания.

— Я бы хотел смотреть на вас вечно.

— Боюсь, что это эксклюзивное право моего мужа.

— Вы не устаете напоминать мне об этом.

Она наклонила голову, ощущая в руке этот невидимый поводок.

— Я хочу вразумить вас, герр Фальке. Может, я беспокоюсь о сохранности вашей души.

— О, если этот вопрос и возникал на небе, то он совершенно однозначно решен, — сказал он с усмешкой обреченного. — Перед тем, как мою душу поволокут в преисподню, я хочу вдоволь насмотреться на вас.

— Если вы всерьез ожидаете темные силы, не хотела бы я, чтобы и мою душу прихватили вместе с вашей.

Все так же усмехаясь, он сделал паузу, положив локоть на стол и подперев подбородок.

— Занятно, что именно вы озвучили эту мысль.

— Если вам кажется, что я способна выпорхнуть из-под крыла мужа навстречу приключениям, то сейчас не время для подобных авантюр.

— И какое же сейчас, по вашему, время?

— Я разделяю мнение супруга на этот счет. Это время открытий. Время прогресса, несмотря на многочисленные жертвы. И, пусть он делает акцент на экспансии влияния за счет науки и технологий — я понимаю, что будущее общества — за развитием. Не следует останавливаться на желаниях индивидуума, когда речь идет о счастье целой нации.

— Похвально для женщины, исходящей из франков. Ваш муж привил вам исключительное понимание национального вопроса, столь близкое арийцам, — он не переставал улыбаться, откинувшись на спинку удобного кресла.

— Герр Вернер — исключительно образованный человек, — улыбнулась она в ответ. Невидимый поводок натянулся, скрипя. Элен на мгновение показалось, что зверь слишком крупный и упрямый, чтобы ей действительно удалось его сдержать, что это все — иллюзия. Кто кого ведет на самом деле?

— Кстати, о темных силах. Вы ведь еще не успели посетить собор? Я сочту за честь провести вам небольшую экскурсию. Только после, не считите за дерзость, я все же вы-

зову машину, чтобы вернуть вас к отелю, — он неловко улыбнулся, будто пристыженный одной возможностью своей усталости.

Она поставила чашку на блюдце.

— Можем перенести визит на другой день, раз вы чувствуете себя неважно.

— Нет, Хелен. Хочу провести с вами еще немного времени. Во мне поселилось необъяснимое чувство. Как будто, если отпущу вас сейчас, то больше никогда не увижу.

— Мы все проходим через страх потери, это неизбежно, — Элен достала сигарету. Он подал ей огня из армейской зажигалки с символикой рейха.

— Страх делает нас людьми. А чего боитесь вы?

Она неторопливо затянулась, выигрывая время на размышления. Важно было ответить искренне: она боялась узнать о судьбе брата, боялась быть раскрытой и разоблаченной, выставленной напоказ бок о бок со своей ложью. Боялась умереть, и того, что о ее смерти никто даже не узнает.

— Бомбежки, — наконец произнесла она, выбрав другую правду.

Он понимающе кивнул, не меняясь в лице, сохраняя спокойную невозмутимость опытного военного.

— Да, это вполне реальный и обоснованный страх. Мне жаль, что мы живем в такое время, фрау Вернер.

«Но это же и твоя вина! Ты делал вещи хуже, мучил невинных людей своими руками! Чудовище! Убийца!»

— Мне тоже очень жаль.

Невидимый поводок не приходилось держать — он крепко оплел ее запястье.

Стены готического собора возвышались над ними, всего лишь людьми, такими незначительными перед его уточненной средневековой красотой. Он напоминал Нотр-Дам, но в то же время был совершенно непохожим. Пики двух башен, немыслимо высокие в сравнении с остальными зданиями Кельна, однажды укололи небо и замерли, с тех пор безмолвно наблюдая за городом.

Арка портала обрамляла двери, охраняемые фигурами многочисленных святых. Невозможно войти, не подняв на них головы — и тут же смиренно склониться. Элен шагнула через порог, сделала еще шаг — и зал эхом подхватил стук каблука, будто делая замечание, напоминая ступать осторожнее и почтительнее.

Солнце так и не пробилось сквозь облака, и витражи во всю длину высоких окон оставались блеклыми, ничуть не рассеивая древние, затаившиеся тени под мрачными сводами.

— Как красиво, — заглушив голос до едва уловимого шепота, Элен практически на цыпочках подошла к ближайшей хронике истории, запечатанной в стекле. Здесь были как сю-

жеты Ветхого, так и Нового завета: Адам и Ева, всемирный потоп, благая весть, рождение Христа, комбинации изображений многочисленных святых.

Людвиг неспешно следовал за ней.

— Скоро начнется очередная служба. Хотите остаться?

Они присели на одну из дальних скамей, что оказалось ничуть не проигрышным выбором. Акустика церковных строений позволяла услышать декламации во всей полноте. Певучий голос священника разнесся по залу, немецкие слова расплылись и превратились в музыку — так необычно в сравнении с тем, как Элен привыкла их воспринимать.

— Великолепно, — прошептала она по-французски, одними губами.

Людвиг кивнул, понимая и принимая ее восторг, и произнес тихо-тихо:

— Думаю, я знаю, что еще могло бы вас развлечь. Есть легенда о том, как архитектор этого места продал душу Дьяволу, лишь бы создать собор, подобных которому нет в мире.

— И что, он очутился в аду?

— Нет, история заканчивается по-другому.

— Расскажите. Пожалуйста, — она чуть склонилась к нему, убирая выющийся локон за ухо. Коснулась мыском туфли краешка его сапога.

Людвиг тоже склонился к ней, говоря размеренно и чуть слышно, чтобы не позволить эху средневековья украсть его рассказ. Теплое дыхание касалось мочки ее уха.

— Каждый раз его наброски напоминали другие готические соборы, а он мечтал создать нечто уникальное, и войти в историю. После долгих проб, экспериментов и размышлений, архитектор впал в абсолютное отчаяние. Дьявол был тут как тут. Он показал ему чертежи здания, совершенно не похожего ни на что в мире — и пообещал отдать на следующий день, с первыми криками петуха, в обмен на его смертную душу. С каждым часом срок иссякал. Архитектор чувствовал себя совершенно изможденным. Понимая, что этот проект запечатлит его в хронике веков и так сделает бессмертным, — он согласился.

— Звучит, как история с трагичным концом.

— Все бы так и случилось, — она слышала улыбку в его голосе, — если бы жена архитектора не подслушала их разговор. Она встала до рассвета, забралась на крышу их дома и прокричала вместо петуха. Тогда дьявол явился, передал чертежи, и только потом понял, что был обманут.

В служении наступила пауза, на несколько секунд погрузив всех присутствующих в абсолютную тишину. Элен дождалась следующей музыкальной фразы, чтобы продолжить разговор.

— И это так легко сошло ей с рук?

— Этого мы не знаем до сих пор. Конечно, впад в ярость, он объявил: «Да наступит конец света с последним камнем на этом соборе!» Вы же обратили внимание на строительные сооружения вдоль фасада, когда мы только подходили? С тех

самых пор его все продолжают достраивать.

— Благополучие всего мира зависит от несчастных кельнцев... Какая тяжкая ноша.

— Это лишь одна из версий. По другой, дьявол поклялся, что когда собор будет достроен, конец придёт не всему миру, а только Кёльну.

— Пропади весь белый свет, вряд ли Кёльн продержится долго. Что так, что иначе — совершенно беспомощное положение...

— О, да. Но как хорошо это иллюстрирует жизнь. Пока мы живы, мир цел, он существует и меняется. Но стоит нам прекратить делать то, что мы делаем — и его ждет гибель. Беспомощны только мертвые.

Декламация священного текста сменилась акапеллой на три голоса. Даже священников и хористов, казалось, здесь гораздо меньше, чем следовало — остальные отправлены на фронт или служат добровольцами в тылу? Раз политики застряли войну, Бог с его заповедями может подождать. От этих нелегких мыслей Элен вздохнула.

— Занятно, что спасителем положения стала жена, изменившая правила игры.

— Женщины способны пойти на любое коварство и обмануть самого Дьявола ради спасения возлюбленного. Это восхищает меня. И вы тоже, — он аккуратно взял ее руку в свою, поднимая к губам, — восхищаете меня.

Она благосклонно улыбнулась, не подавая определенных

знаков своего расположения, не переходя рамки приличия.

— Вы, хрупкая француженка, последовали за мужем в родные земли оккупантов. Должно быть, временами вам бывает не по себе.

Он поднял на нее взгляд, не ожидая конкретной реакции, но явно провоцируя на что-то, что даст ему возможность для интерпретации. Углубления ее туманного, идеализированного образа, сотканного из фантазий и некоего неясного прошлого.

Элен ответила ему, будто очарованная. С той необходимой долей кокетства, выверенным до миллиграмма, чтобы обрести надежду на незабываемое будущее, она сказала очередную полу-правду:

— Знаете... Это очень странно, но рядом с вами я, наоборот, чувствую спокойствие.

Хладнокровное спокойствие, с каким беспомощно орущего, ненавистного младенца погружают в ледяную воду и держат, пока последний пузырек не покинет его легкие.

IV. Овечья шкура

Мама развесила белье и звала их обедать. «Таде, милый Таде!» Она кликала брата с укором, ведь тот никак не наиграется с друзьями, чтобы вернуться и помочь по дому, но все не могла на него как следует рассердиться.

Крошка-Дита сидит во дворе: она видит мамин темный силуэт на белой простыне, как та вскинула руку. Спустя пару мгновений ее голос затих, унесенный теплым летним ветром.

Щелк, свист, взрыв. Дом охватило ослепительное пламя.

Для встречи Элен подобрала наряд сдержанного достоинства. Так, чтобы макияж не выдавал в ней французскую диковинку, она надела лицо скромницы. То, что работает на мужчинах, как активатор, действует на женщин обратным образом. Фрау Циглер казалась довольной.

Они устроили обход антикварных лавок и мебельных магазинов в округе. Целью стал поиск очаровательных побрякушек для обстановки в новом кельнском жилище Циглер, предоставленном руководством.

Вне торжественных вечеров фрау Циглер выглядела... Разочаровывающе обыкновенно. Чопорная немка в тем-

но-коричневом костюме, юбке ниже колен, ботильонах и кожаных перчатках в тон, вписанная в городскую толпу, как очередной кусочек пазла — и никакой избыточности в аксессуарах. На торжестве и ужине ее руки, запястья, шею и грудь осыпали бриллианты: оставалось гадать, как она с легкостью держит бокал шампанского на весу, когда на ее кисти столько сияющих камней и металлов. Элен с удивлением заметила, что сейчас, вне лоска и шика вечерних нарядов, Вилда выглядит моложе. Несмотря на седину, что коснулась ее волос по бокам — явно преждевременно — ей не дать больше сорока. Двигалась она со свойственной ей стремительностью, что было заметно и по ее порывистой манере перескакивать с темы на тему. Элен только успевала зацепиться глазами за безделушку в ее руках, как Вилда подмечала что-то более интересное на соседних полках и устремлялась к фужеру, вазе, лампе или настольным часам. Она тянула руки ко всему, будто не могла оценить предмет исключительно по виду, а должна была обязательно убедиться в его качестве тактильно. Шутя, оправдывалась: «это ведь в дом, нужно выбирать внимательно,» хотя Элен ни словом не осудила ее.

Убедиться в реальности. Навык, которого ей начинало не хватать с каждой минутой, проведенной в своей роли. Элен подошла к приставному столику с росписью и провела по лакированной поверхности рукой в перчатке. Сюжет на нем: два всадника, величественный рыцарь и девушка в богатых одеждах, скачущие через лес.

— Вам нравится?

Пожилой владелец лавки обратился так, будто извинялся за то, что потревожил ее размышления.

— Что это за история?

— Принц эльфов и леди Изабелла направляются к месту ее казни.

Элен подняла настороженный взгляд.

— Что же она натворила?

Тот добродушно посмеялся, щурясь и поправляя круглые очки.

— Совсем ничего, госпожа. Только вышивала и мечтала, а когда услышала, как загадочный незнакомец трубит в волшебный рог — влюбилась и согласилась уехать с ним.

Изображенный рыцарь теперь не казался достойным и величественным. Элен обратила внимание на веревки, прилаженные к его седлу, и меч, висящий на поясе рядом с потертым медным рожком. Его конь понуро опустил голову, пока скакун леди вскинулся, единственный чувствуя опасность.

— Он убийца? — бесцветно спросила Элен, прикрыв рыцаря ладонью, так что видимыми остались только лошади и принцесса.

— Совершенно точно. Обманщик и губитель хотел ограбить и избавиться от нее на том самом месте, где убил до этого еще шесть королевских дочерей. Но не в этот раз.

— Кто-то спас ее?

— Нет, фройляйн, она спасла себя сама. Уговорила его

отдохнуть, положив голову ей на колени, усыпила нежными ласками и... Прикончила, задушив его собственным поясом. Сказала: раз шесть твоих невест покоятся тут, так составь же им достойную компанию.

Элен убрала руку с изображения. Этой принцессе не нужна была помощь.

— Как же она жила потом, убив человека?

— Что тут сказать, баллады часто склоняются к трагическим финалам. Может, сошла с ума. Впрочем, тут она еще не знает о своей участи — он скажет ей, что намеревается сделать, когда они углубятся в чащу. Между прочим, это отличный стол, вы могли не заметить, но помимо завораживающей истории тут есть еще и пара выдвижных ящиков...

— То есть, она могла и не найти обратную дорогу?

Он замер, едва начав выдвигать боковую створку.

— Эм, вполне возможно, госпожа. Не могу не отметить, вы — первый человек, который выдвинул такое... Предположение.

— В моем окружении все чаще говорят о мрачных событиях. Возможно, это плохо на меня влияет.

— Конечно, госпожа. Сейчас такое время, но... Она ведь выжила. Думаю, остальное не имеет значения.

Забавно, как ее поездка из тайной миссии превращается в сбор и исследование старинных легенд и баллад. Но это к лучшему. Возможно, без таких развлечений она совсем бы потеряла присутствие духа. Иногда проще представить себя

героем сказки, с которым приключилась беда, тогда приходит понимание, что все преодолимо.

— Все проходит, — он широким жестом указал на обилие старинного хлама вокруг, — а добротным вещам все нипочем. Купите что-нибудь, как талисман, чтобы пройти через эти испытания. Только назовите адрес, и завтра мы с Эриком доставим вам этот столик в целости и сохранности. Если угодно, можете расплатиться частями.

Элен оглянулась на фрау Циглер, скачущую от стеллажей к старинным комодам со множеством ящичков. Юный помощник владельца силился удержать стопку выбранных ею вещей, и, балансируя, опустил их на ближайшую поверхность, чтобы приступить к упаковке.

— Я посоветуюсь с подругой. Может, это именно то, что она искала.

Она стала внимательнее к проходящим мимо людям. Казалось, что любой из них может оказаться кем-то, кто знает ее. Элен не хватало чувства общности, поэтому она представляла, как юноша, читающий газету на углу, показывая новость об обстрелах Великобритании лавочнику, мог бы незаметно передать сообщение с указаниями. Или, может, подаст ей условный знак. Пока она оставалась настороже, фантазии ничем не вредили делу, и вряд ли ее мысли нару-

шили бы чьи-то планы. Она отправила две телеграммы — «домой», на адрес, который запомнила из инструкций перед тем, как сжечь. По ее ощущениям, все шло хорошо, она ждала следующей встречи с ястребом. Единственные встречи, в которых, как ей казалось, был смысл — потому что составляла прямую линию с Тео.

Ее предупреждали, что убить Фальке как можно скорее будет наилучшим исходом, но она не была вынуждена и не хотела рисковать. После столь старательной маскировки, всех усилий, путешествия, разговоров — просто убить его, подписав себе приговор на месте, казалось непрактичным и непоследовательным. Элен понимала, что будет полезнее, заставь она его рассказать как можно больше. Но работа — это последнее, о чем он желал говорить не только с ней, но и с кем либо в целом. Оставалось находиться рядом и внимательно изучать его, поджидая удачный момент, успокаивая себя тем, что время мести и расплаты наступит — позже.

Рядом с ним она не могла находиться в спокойствии. Такие бессмысленные, но важные встречи с Циглер, прогулки с Эдмундом, походы по магазинам и в ателье составляли большую часть ее досуга и время, когда ее не охватывала жгучая ненависть. Это было пустое, и вместе с тем бесценное время для восполнения сил.

Конечно, их сопровождала охрана. Все тот же человек, что сидел в фойе отеля каждый раз, когда Элен собиралась выходить, был из людей Фальке. Расставаясь у собора, Лю-

двиг сам же признался в этом, и принес извинения за неудобства, в то же время убеждая ее в необходимости наблюдения «на всякий случай». Элен не возражала, ведь так Людвиг только укрепит свою уверенность на счет нее. Сложно было отделаться от ощущения, что за тобой наблюдает больше пары глаз, без уверенности, все ли их владельцы — благодушные персоны. Вилда взяла ее под локоть и резко повернула на соседнюю улицу, вспомнив о чем-то, что хотела ей показать. Элен краем глаза уловила движение за ними, в тот же момент, в ту же сторону — девушка в сером пиджаке, на пару размеров больше.

Дамы перешли дорогу, и несколько автомобилей отделили их от серого пятна. Охранники шли чуть в отдалении. Уж, произойди что-то неладное, они бы пресекли это в моменте. Элен кивала, демонстрируя вовлеченность в рассказы Вилды об их с мужем последнем визите в оперу, и, прежде чем завернуть за угол мимо цветочной лавки, снова оглянулась.

— ... величайшее сочинение Вагнера. Ох, все меньше людей, но не машин. Но тут хотя бы не так оживленно, как в Берлине. Как вам в Кёльне, дорогая? Не слишком скучаете?

— Это очаровательный старинный город.

— Все так, все так, но все же в Берлине нам было бы веселее. Пока у Йенса тут дела, я обречена проводить свободное время без подруг. Вы бы пришли по душе Грете и Еве... А вы все оглядываетесь, дорогая. Понимаю, мне тоже было сложно поначалу выкинуть их из головы, но Фальке настаи-

вал, а Йенс не смеет ему возражать.

— Что вы, это же прекрасно — если в салоне выставят умопомрачительные наценки, нам есть, к кому обратиться за помощью в торгах. У них точно найдутся аргументы покрепче женских сумочек.

Вилда рассмеялась, оглянулась на охранников и подмигнула им.

Так то лучше. Хорошо, что не ей одной лишнее внимание внушает неудобство.

— Вот оно! Ева настоятельно рекомендовала их десерты. Мы заслужили немного побаловать себя, вы так не считаете?

— Конечно, Вилда.

Серого пятна больше не оказалось в поле ее зрения, но внутри Элен распускались склизкие лозы тревоги. Снова. Она не знала: лучше, чтобы это чувство продолжало истязать ее, или что-то все-таки, наконец, произошло?

Внутри «Мимозу» украшали резные деревянные элементы, что перемежались с гладкими панелями. Пышные букеты у входа и шкафа с десертами, вдоволь света из огромных окон и непрактичный белый текстиль на каждом из столиков. Элен едва отодвинула стул, как Вилда прервала ее порывистым жестом.

— Нет-нет, Элен, только не у окна, вы и так необыкновенно бледны. Садитесь здесь, — не допуская маневра для спора или возражения, Вилда усадила ее на место напротив.

— Не хватало еще, чтобы вас продуло, этого Эдмунд мне не простит. Итак, начнем с напитков...

Ее покровительство успокаивало. Их охранники расположились неподалеку, один у стойки, второй ближе к выходу — но оба достаточно близко к ним. Чтобы снова отвлечься, Элен сосредоточилась на своих ощущениях, предпочла кофе чаю, достала долгожданную сигарету и приготовилась к очередной волне информации о сладостях, ремонте, театре и городе. Вилде удалось застать ее врасплох:

— Как же вы познакомились?

— Эдмунд разве не рассказывал?

Цигель улыбнулась.

— «На моей лекции в Париже, а потом мы поженились». Ну это же совершенно несерьезный рассказ! Где вы встречались, как сблизились, как он сделал вам предложение? Я часто видела их с Йенсом, и он казался таким нерешительным. Вы помогли ему раскрыться с новой, неизведанной стороны.

Вилда схватила за чашку обеими руками и затихла, впервые предоставив собеседнице столько пространства для повествования.

— Это правда, он бывает очаровательно-несобренным. Но вам стоило бы видеть его за кафедрой. Когда он погружается в предмет своего исследования, то совершенно преображается, хоть и начинаешь понимать его с переменным успехом.

*Жак провел ее на лекцию Эдмунда . После долгих и безуспешных попыток отговорить ее от всей авантюры по по-
иску брата, сам согласился стать частью ее задания. Он
хотел «знать, кто доведет ее до могилы,» и она перестала
гадать, сколько в его утверждениях угроз, а сколько — ре-
альных опасений. К тому же, в ее окружении не было других
медиков, способных растолковать ей незнакомые термины
и погрузить в работы Вернера по хирургии.*

Увидев Эдмонта в аудитории, она серьезно усомнилась в себе. Он был молод и сосредоточен. Видел свою миссию в науке и жаждал достичь результатов на практике. За Элен успело сразиться немало молодых людей, и такое внимание льстило ей, хоть и отпугивало, вынуждая держаться тени и невыразительных нарядов. Учеба была для нее на первом месте, и только с того года она начала ходить на свидания, осознавая и воспитывая в себе кокетку. Французские подружки крутили парнями направо и налево, и рады были осыпать ее советами, как только все дошло до «дела».

— Наше первое свидание было в библиотеке.

— Ох, я совершенно не удивлена, — Вилда отмахнулась.

— Он любезно согласился рецензировать мои работы, хоть они больше касались философии и медицинской этики. Не буду таить, я сделала это нарочно — чтобы украсть у него немного времени, пока он был в Париже.

Встреча в коридоре университета, оброненные книги. Она рассыпалась в извинениях, ослепительная в своей искренности. Он не ожидал увидеть среди ее груза статьи собственного авторства. Она позволила себе, склонившись, задать ему несколько уточняющих вопросов, ведь медицина и хирургия — совершенно не ее специальность, но взгляд с этой стороны так углубил бы ее работу. Эдмунд с радостью уделил ей час, а в другой раз — день, и вечер, и еще один день.

— Мне нравилось его слушать. Ему понравилось, как я мыслю. Вскоре я призналась ему, что хотела в первую очередь задержать его любым возможным способом — а он был не против, но настоял, чтобы я все же отправила наши наработки профессору. Я согласилась, но при условии, что он пригласит меня на свидание, теперь уже настоящее. Так у меня стало на одну публикацию больше, а у Эдмунда — чуть меньше времени для праздного одиночества.

Вилда мечтательно вздохнула.

— Это пошло Эду на пользу. Вы совершенно очаровали его. Мы с Йенсом переживали, не попадет ли он в злые руки, сам будучи студентом он не отличался сообразительностью в любовных делах. Да не очень-то и интересовался подобным — ничего не замечал, кроме своей работы. Это мы, как только познакомились, не смогли друг от друга оторваться. Да и, не схватись Йенс за меня, вряд ли сдал бы экзамены.

— Зато где он теперь.

— Это точно!

Официант вернулся с аккуратными тарелочками и расставил на столе множество муссов, кремов и бисквитов. Вот, в чем еще проявлялась настоящая фрау Цигель — соответствуя эталону немецкой женственной чопорности в своем повседневном образе, она не желала отказывать себе в удовольствиях. Элен изогнула бровь, окинув взглядом все это великолепие.

— Если жизнь — погоня за гастрономическими впечатлениями, то сегодня мы опередим график на несколько лет.

— Германия совсем не то место, где едят ради впечатлений. Наша кухня больше про сытость, чем про вкус.

— Умоляю вас, это же не Англия.

Вилда снова засмеялась, и Элен снова восприняла это как свою маленькую победу. Было важно расположить ее, ведь они так близки с Фальке. Весь мир Элен сошелся клином на Фальке, все реки и дороги без исключений вели теперь к нему. Все то пространство ее мыслей, что занимал любимый брат, без спроса занял его чертов убийца.

— А что касается предложения, — Элен достала вторую сигарету и задумалась, не успев ее запалить. — Мне не с чем сравнить, но, будь оно не единственным в моей жизни, то уж точно стало бы самым нелепым.

— Господи, ну же, как это произошло?

В тот вечер ее накрыла гнетущая задумчивость. Было ясно, что это — одна из основных контрольных точек на пути

к цели. Это важный шаг не потому, что Элен выйдет замуж, сменит статус, обретет полноценного партнера в своей жизни. Она еще толком не задумывалась о семье, о том, каким будет ее муж — обстоятельства решили это за нее, лишили ее возможности выбора, как только она согласилась на всю эту операцию. Она добровольно отдала один из самых главных выборов в жизни женщины.

«Все хорошо, Лили. Ты можешь рассказать мне, что тебя тревожит». Она молчала, уставившись на его ладонь. Вдохнув, накрыла своей рукой. Заглянула ему в лицо. Сказала, что согласна — и улыбнулась так искренне, как только смогла. А он в панике принялся шарить по карманам, понимая, что его раскусили, и сюрприз больше не удастся. Поспешно раскрыл бархатную коробочку, не успев встать на колени, как это принято — кольцо выскользнуло из его пальцев, покатилось по столу и упало плашмя.

— М-да, ловкости нашему Эду не занимать.

— Это совсем ему не вредит. Ему так просто довериться. К тому же, он нежный и заботливый супруг.

Пусть за нее и сделали выбор — он был не так уж и плох. Искренний и чуткий муж — разве этого мало? Она больше сомневалась в своих качествах, нежели в нем.

— Вы уже задумывались о детях? — Вилда тронула вилок очередной бисквит, и тут же поправила себя. — Хотя,

о чем это я, Эдмунд сам еще ребенок, как бы ни хотелось думать иначе...

Элен было нечего ответить. В мыслях впервые образовалась совершенная пустота, и это заставило ее насторожиться. Детский плач в доме, охваченном пламенем. Почему она не думала о детях? Тео не рассказывал, но теперь она вспомнила, что там, за распростертой простыней, вместе с мамой, был их младший брат-младенец — в доме, охваченном огнем.

У нее загудело в ухе, глубоко, почти внутри головы. Слева люди встали из-за столика, покидая кафе, и она оглянулась на приглушенные звуки — с этой стороны она слышала хуже, чем с правой. Последствия взрыва. Щелк. Щелк.

«Эй, ты!» Снаружи слышались частые шаги. Охранник сорвался к Вилде, заходя ей за спину с раскинутыми руками.

Выстрел. Стекло с треском разлетелось, осколки разметались по столам и по полу. Это оглушило и ослепило ее на мгновение. Элен рефлекторно отстранилась от стола и метнула взгляд в окно. Девушка в сером пиджаке стояла, вытянув руку с пистолетом. Ее лицо не было человеческим, оно стало ужасающей маской ненависти, презрения и звериной ярости.

Буйный, почти неконтролируемый импульс поднялся изнутри, вынуждая Элен что-то предпринять, но она не успела — стрельба продолжилась. Двое незнакомцев рухнули за мертво, раздались крики и вопли. Кто-то с наскока опроки-

нул Элен вместе со стулом, прижав к полу и накрыв своим телом. Замерев, вся дрожа, она смотрела, как по скату белоснежной скатерти растекалось темное пятно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.